

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены правовые доктрины уголовной юстиции в отношении несовершеннолетних и лиц, освобождаемых от уголовной ответственности или наказания в силу психического расстройства, в уголовно-процессуальном праве современных зарубежных государств (США, Франции, Германии, Нидерланд, Англии).

Ключевые слова: уголовный процесс зарубежных государств, уголовная юстиция в отношении несовершеннолетних, несовершеннолетний делинквент, концепция воспитуемости, концепция свободы воли, вменяемость, ограниченная вменяемость, невменяемость, теория «новой социальной защиты», ресоциализация.

В науке уголовного процесса различных зарубежных государств всегда уделялось большое внимание расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними либо лицами, страдающими психическим расстройством. С учетом различных доктринальных положений, разрабатываемых учеными-правоведами, определяется отношение, как к личности лица, так и к тем последствиям, которые должны наступить для него после совершения противоправного деяния.

Необходимо иметь в виду, что правовые доктрины, распространяемые на юридическую сферу, занимают в зарубежном праве ведущее положение. Это вызвано прежде всего тем, что они представляются в виде совокупности «ведущих положений и принципов», заложенных в основу механизма регулирования отношений, возникающих внутри отдельных социальных групп или же в рамках всего общества [1, с. 97]. Такие доктрины оказывают основополагающее воздействие не только на правотворчество, но и применение норм уголовного судопроизводства.

Современные толкования позиций уголовной юстиции в отношении несовершеннолетних детерминированы несколькими концепциями, имеющими значение до настоящего времени и определяющими законодательство.

Концепция уголовной безответственности содержит положения теории применения (не применения) наказания лицам, совершившим преступление в определенном возрасте, а не признания их невиновными в силу того же возраста. Эта концепция до недавнего времени не оказы-

вала своего влияния на уголовный процесс, т. к. считалась уголовно-правовой доктриной.

Другая концепция: «разумение» – «отсутствие разумения» применялась для защиты прав несовершеннолетних в суде тогда, когда в законе той или иной страны не было прямого указания на уголовную безответственность несовершеннолетних.

Англосаксонский вариант концепции разумения опирается на презумпцию общего права, что ребенок в возрасте до 14 лет считается неспособным быть виновным (*doli incapax*) и действовать осмотрительно. Однако такая презумпция может быть не принята во внимание судом, если он сочтет, что ребенок знал, что поступает неправильно.

В уголовно-процессуальном праве многих современных зарубежных государств судья в судебном заседании должен выяснить факт осознания несовершеннолетним общественной опасности и противоправности совершенного им деяния как основание решения вопроса о его действии с разумением.

Речь здесь идет о судебском усмотрении, понимаемом в зарубежном уголовном процессе как полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из них законна [2, с. 13].

В США «несовершеннолетний делинквент» (*juvenile delinquent*) – это ребенок, совершивший деяние, которое квалифицировалось бы как преступление, если он был совершеннолетним.

В течение длительного времени американская правовая доктрина признавала, что инте-

рессы несовершеннолетнего и суда по делам несовершеннолетних идентичны, а значит, несовершеннолетним незачем предоставлять права в рамках «надлежащей правовой процедуры», которые имеют совершеннолетние лица, совершившие преступление. В 1969 году Верховный суд США отказался от подобных представлений и вынес постановление о том, что несовершеннолетним преступникам, подлежащим заключению под стражу за совершение деяний, которые в случае их совершения бы совершеннолетними считались бы преступлением, должны быть обеспечены те же права в рамках надлежащей правовой процедуры как и взрослым лицам, привлекаемым к уголовной ответственности (*In re Gault*, 387 U.S. 1 (1967)). А поскольку большинство дел о преступлениях несовершеннолетних связано с предъявлением уголовных обвинений, при рассмотрении этих дел «должно применяться уголовно-процессуальное законодательство, а не семейное» [3, с. 851].

Концепция воспитуемости начала оказывать свое воздействие на уголовно-процессуальное право сравнительно недавно. «Можно утверждать, что сам принцип воспитуемости – это порождение ювенальной юстиции – возник после создания в мире (точнее во время создания) судов по делам несовершеннолетних» [4, с. 129].

Эта концепция трактуется, как сознательная необходимость заменять меры уголовно-правового воздействия воспитательными, и у правоприменителя должен быть большой выбор таких мер воздействия для несовершеннолетнего преступника. Именно восприятие законодателем концепции воспитуемости несовершеннолетнего в силу возраста стало формировать специфические формы и методы ведения уголовного судопроизводства, обращения с несовершеннолетним, усиления гарантий защиты их прав и законных интересов.

Германская модель концепции воспитуемости характеризуется тем, что главной целью применения принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетнему преступнику должно быть предотвращение совершения подростком повторного преступления. «Воспитание» в смысле «внутреннего переворота» никоим образом не может осуществляться принудительно, это было бы нарушением права на самоопределение и человеческое достоинство молодого лица. Государственное воспитание, по

мнению немецких ученых [5, с. 85], не должно выходить за рамки уголовно-правовой превенции, поскольку иное противоречит Конституции, праву родителей на воспитание детей и праву молодых людей на жизненный выбор.

Регулярно проводимые эмпирические исследования правового положения несовершеннолетних преступников в Германии показали, что воплощение идеи воспитуемости в том виде, который существует в данной стране, приводит к фактическому ухудшению правового положения молодых людей по сравнению с взрослыми, а именно усилению санкционирования, «добавке» к наказанию из воспитательных соображений. Кроме того, отмечается сокращение возможностей обжалования судебных решений, возможности незачета срока предварительного заключения в срок наказания (с воспитательной целью), неразвитости института защиты подростков в уголовном процессе.

Во Франции применение мер воспитательного характера (*caractere educative*) в отличие от германского уголовного процесса связано с освобождением подростка от уголовной ответственности. Такие меры являются мерами принудительного воспитания, а не наказания. Они связаны с активным воспитательным воздействием на личность «воспитуемого», его перевоспитанием.

Тенденция развития концепции воспитуемости в зарубежных странах в современных условиях идет по пути изменения содержания самих принудительных воспитательных мер, усиливая их карательную направленность. В рамках дискреционных полномочий суд отдает предпочтение при выборе между наказанием и принудительной мерой воспитательного воздействия – применению наказания. При этом суд обосновывает свои действия неэффективностью применения принудительного воспитания в связи с «воспитательной запущенностью» несовершеннолетнего.

Таким образом, концепция воспитуемости воспринимается зарубежным уголовным процессом не столь бесспорно. Как пишет Э.Б. Мельникова, «на чаше весов ювенальной юстиции оказались воспитуемость и юридические гарантии прав несовершеннолетнего» [4, с. 135].

В науке зарубежного уголовного процесса обосновывается свобода усмотрения суда при применении к несовершеннолетним альтернативных мер исправительного воздействия вместо уголовной ответственности. Это рассмат-

ривается как индикатор укрепления социального контроля. Вместе с альтернативными мерами возникает образец государства благосостояния, соединяющего «тяжелую руку полиции» и уголовного преследования с «мягким контролем» социальной деятельности.

Например, в Нидерландах до достижения лицом возраста восемнадцати лет (по запросу обвинителя – двадцати одного года) обвинители и суды обладают свободой усмотрения в отношении альтернативных мер и программ замены уголовной ответственности альтернативными мерами исправительного воздействия. Любые санкции рассматриваются с точки зрения их образовательного эффекта. Судебная свобода в назначении или отказе от наказания является признаком его индивидуализации в отношении несовершеннолетних. Суд может применить судебное помилование (*rechterlijk pardon*) в случае незначительности преступления с учетом характера личности или обстоятельств жизни несовершеннолетнего обвиняемого.

Доктринальные толкования отношения к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости, относятся к глубокой древности, например, в Дигестах Юстиниана VI в. содержались указания об освобождении безумных от наказания за убийство: «достаточно, что он наказан своим безумием» [6, с. 172]. Тем не менее, это было не показательно для законодательства прежних эпох и проблемы таких лиц в современной постановке вопроса возникла на рубеже XVIII и XIX веков. До этого суд не входил в обсуждение, находился ли подсудимый при совершении преступления в состоянии душевного здоровья и душевнобольные осуждались и наказывались наравне со здоровыми лицами.

Все концептуальные положения о назначении наказания за совершение преступления в болезненном состоянии психики в зарубежном уголовном праве и процессе касались и касаются, в первую очередь, общих оснований вменения и определения виновности.

Одно из господствующих убеждений, сложившееся в начале XIX в. и имеющее актуальность до настоящего времени, состоит в том, что, если лицо совершило преступление в состоянии «умопомешательства», то признавая его виновным суду, надлежит такое обстоятельство считать обстоятельством, смягчающим наказание, но не устраняющим его.

Истоки данной теории лежат в ломброзианстве, которое в первоначальной форме стало достоянием истории, но ее главное положение о существовании тесной связи между психическими аномалиями и преступным поведением сохранилось в измененном виде до сегодняшнего дня.

Последователь биологизаторского подхода к преступности в начале XX в. итальянский криминолог Э. Ферри утверждал, что «преступник не есть нормальный человек ... наоборот, вследствие своих органических и психических ненормальностей, наследственных и приобретенных, он составляет специальный класс, особую разновидность человеческого рода» [7, с. 310].

Психические состояния представляют собой внутренние детерминанты противоправного поведения, и, как таковые, могут быть рассмотрены в свете концепции свободы воли, которая в классической и неоклассической школах уголовного права применительно к состояниям субъекта преступления служит для обоснования ответственности – при наличии свободы воли, неотвеченности – при отсутствии свободы воли либо ограниченной ответственности – в случае ограничения свободы воли.

Зарубежные юристы признают свободу воли наряду с детерминированностью поведения и считают, что человек детерминирован психически (изнутри) и объективными обстоятельствами (снаружи). Д. Уолд считает, что свобода воли является целиком детерминированной, но до известной степени непредсказуемой [8, с. 136]. Критерий «свободы воли» определяет возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, т. к. вменяемость предполагает наличие «свободы волеизъявления» в степени, позволяющей отвечать за содеянное. Однако взятый сам по себе критерий «свободы воли» в тех случаях, когда свобода волеизъявления ограничена либо утрачена в силу психического расстройства, не может обойтись без опосредующих категорий «ограниченной вменяемости» и «невменяемости».

Двуединный подход к природе ненамеренного действия был предложен ранними английскими юристами, такими как Брэктон, Ламберд и Далтон, идентифицировавшими познание и волю в качестве элементов ответственности. Брэктон, один из первых, поднявших тему невменяемости в уголовном праве, предположил,

что «будет и волеизъявление отличительным признаком преступления» [9, с. 49].

У. Блекстоун сформулировал случаи, в которых намерение не соединено с деянием, одно из которых звучит: «Когда имеет место дефект понимания. Ибо когда нет умения различения, нет выбора, а когда нет выбора, тогда не может быть намеренного действия, которое есть не что иное, как разрешение человеческого выбора в пользу совершения или воздержания от совершения конкретного действия; следовательно, тот, кто не обладает пониманием, не имеет намерения, руководящего его поведением» [10, с. 38]. Он делает вывод, что невменяемый, в силу болезни обладающий «дефектным или искаженным пониманием», морально не порицаем за свой поступок.

Моральное порицание зависело не столько от личного (субъективного) порицания лица, привлекаемого за совершение преступления, сколько от «стандарта» общества, представленного моралью судьи, присяжными, адвокатами.

Джеймс Ф. Стифен в свое время писал, что «вопрос для судей заключался не в том, считал ли сам правонарушитель свое поведение правым либо же неправым, но в том, было ли оно правым либо же неправым в соответствии с принятыми взглядами времени» [11, с. 596].

Такие подходы к психическим и социальным проявлениям, опосредованные уголовно-правовыми категориями, не могли не сказаться на процедурах уголовного судопроизводства в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии психического расстройства.

Последовавшие за этим решения судов (например, Синклер против штата Миссисипи (132 So. 581 1931 MS)), в которых было признано, что здравомыслие есть существенный элемент вины (*mens rea*), штат Вашингтон против Страсбург (110 P. 1020 1910 WA), Лиленд против штата Орегон (343 US 790 1952 OR) и ряд других, были некоторой интерпретацией правил Макнатена в изменившихся обстоятельствах, с учетом концепции «непреодолимого импульса».

В англо-американском праве также существуют доктрины, которые в той или иной степени дополняют правила Макнатена, но каждая из них подвергается определенной критике и не находит всеобщего признания. Так, в некоторых североамериканских штатах правила Макнатена были дополнены доктриной «непреодолимого импульса», суть которой заключается в том, что

«лицо под воздействием непреодолимого импульса (нечто вроде непреодолимой силы), который вызван психическим заболеванием или дефектом психики, не может контролировать свои действия, хотя и сознает, что поступает «неправильно».

Медицинский критерий невменяемости своего четкого закрепления в уголовном законодательстве США и Англии не получил. Судебная практика под понятие «душевного заболевания» подводит достаточно широкий круг психических заболеваний и отклонений: автоматизм, паранойю, идиотизм, амнезию и др. Четкое общее понятие болезненного состояния психики в англо-американском уголовном праве отсутствует. При этом, можно упомянуть и о правилах «Дурхема». Исходя из последних, лицо признается невменяемым, если его противоправное деяние явилось продуктом психического заболевания или дефекта. Исходя из приведенных правил, медицинский признак рассматривается в качестве единственного критерия невменяемости.

В других странах Ф. Грамматика (Италия) и М. Ансель (Франция) во второй половине XX в. творчески развили доктрину социальной защиты, предложенную Э. Ферри, назвав ее «новая социальная защита». В этой концепции основное внимание уделялось гуманизации уголовной юстиции, соблюдению прав личности в процессе применения мер уголовно-правового воздействия.

Например, в книге «Принципы социальной защиты» (1961 г.) Ф. Грамматика утверждал, что государство не вправе наказывать преступника, оно должно его социализировать посредством превентивных, воспитательных или лечебных мер.

Главная идея теории «новой социальной защиты» – ресоциализация личности преступника, т. е. ее вторичной социализации, возвращение в общество «нормальных» людей. Для этого в систему уголовных репрессий должны быть включены меры безопасности. На судью возлагается задача корректировать процесс ресоциализации преступника, а также индивидуализировать этот процесс.

Из основных положений данной концепции можно выделить следующие:

- 1) средства борьбы с преступностью должны рассматриваться как средства защиты общества, а не наказания индивида;
- 2) цель социальной защиты – нейтрализация преступника путем его изоляции от обще-

ства либо применения к нему исправительных и воспитательных мер;

3) уголовная политика должна ориентироваться на ресоциализацию преступника, т. е. возвращение его к обычной жизни, в которой соблюдение закона является общественной нормой.

Все приведенные выше концепции правового регулирования как в отношении несовер-

шеннолетних, так и лиц, освобождаемых от уголовной ответственности или наказания в силу психического расстройства, характеризуются традиционными идеями и заложены в зарубежное право, предшествуют праву, предопределяют право как форму своего существования. Такая форма организует содержание права, нормативную систему уголовного процесса, деятельность суда и правоохранительных органов.

30.012014

Список литературы:

1. Dictionary of Sociology and Related Sciences. – P. 97-102.
2. Барак Аарон. Судейское усмотрение. Перевод с английского / Аарон Барак. – М.: Норма, 1999. 316 с.
3. Уильям Бернам. Правовая система США. 3-й выпуск / Бернам Уильям. – М.: Новая юстиция, 2006. 912 с.
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие / Э.Б. Мельникова. – М.: Дело, 2000. С. 284 с.
5. Ostendorf Н.: Kommentar zum JGG (Reine Alternativkommentare) / Н. Ostendorf // Aufl. Kцln. –1994. – №3. – P. 23-26.
6. Перетерский И.С. Всеобщая история государства и права. Ч. 1. Древний мир. Выпуск 2. Древний Рим / И.С. Перетерский. – М.: Юридическая литература, 1965. 240 с.
7. Ферри Э. Уголовная социология / Э.Ферри. – М.: [б.и.], 1908. 412 с.
8. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. – М.: [б.и.], 1998. 250 с.
9. Bracton H. On the Laws and Customs of England (S. Thorne trans. 1968) / H. Bracton. – М., 1997. 96 p.
10. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England: In Four Books // First Edition. Volume IV. Of Public Wrongs. Oxford: Printed at the Clarendon Press – 1769. – P.36-39.
11. Стивенъ Дж. Ф. Уголовное право Англии въ кратко очертаніи / Переводъ и предисловіе В. Спасовича. – СПб.: [б.и.], 1865. 714 с.

Сведения об авторе:

Мищенко Елена Валерьевна, декан юридического факультета, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы 13, тел. (3532)912199, e-mail: jurfac@mail.osu.ru